

Н. В. Гоголь, Н.С. Тихонравов

Сочинения Н. В. Гоголя

Том 6

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г58

Г58 **Гоголь Н.В.**
Сочинения Н. В. Гоголя: Том 6 / Н. В. Гоголь, Н.С. Тихонравов – М.: Книга по Требованию,
2024. – 848 с.

ISBN 978-5-518-02986-6

ISBN 978-5-518-02986-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Принявъ на себя большой и отвѣтственный трудъ по окончанію настоящаго изданія сочиненій Гоголя, остановившагося за смертью Н. С. Тихонравова на первой половинѣ предлагаемаго шестаго тома (покойнымъ были отпечатаны только первые двадцать листовъ), мы поставили своей задачей, сохраняя вполне прежній планъ и программу, исполнить дѣло, насколько могли, такъ, какъ, казалось намъ, было бы оно исполнено покойнымъ. Нашъ взглядъ на достоинства и значеніе образцоваго изданія Н. С. Тихонравова мы имѣли уже случай выразить публично въ посвященномъ памяти послѣдняго торжественномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности 13 марта 1893 года — въ рѣчи, напечатанной потомъ, въ дополненномъ видѣ, въ сборникъ: „Памяти Тихонравова“ (стр. 92—122). Позволимъ себѣ въ виду этого остановиться здѣсь *исключительно* на нѣкоторыхъ соображеніяхъ, заставившихъ насъ по разнымъ причинамъ допустить въ частностяхъ незначительныя отступленія отъ установленнаго или предполагаемаго порядка.

Первое замѣчаніе касается карманныхъ записныхъ книжекъ Гоголя, относительно которыхъ въ оставшихся послѣ покойнаго Тихонравова конспектахъ и программахъ замѣчается нѣкоторое колебаніе, помѣстить ли ихъ въ полномъ видѣ, или въ выдержкахъ, и, наконецъ, въ послѣднемъ, предсмертномъ, экземплярѣ программы этотъ пунктъ оказывается почему-то совершенно пропущеннымъ, — вѣроятно, вслѣдствіе той же причины. Хотя въ „Предувѣдомленіи“ къ названному тому Н. С. Тихонравовъ писалъ между прочимъ: „въ шестомъ томѣ предполагается помѣстить *выдержки* изъ записныхъ книжекъ Гоголя“ (см. т. I, стр. XXII) и въ изданіи „Царь-Коло-

коль“ тоже были напечатаны *только* выдержки, но уже позднѣе въ нѣкоторыхъ конспектахъ намѣчено изданіе въ VI томѣ „*полнаго текста*“ карманныхъ записныхъ книжекъ“. Въ виду этого недоумѣнія, мы рѣшаемся, съ согласія издателя, А. Э. Маркса, помѣстить текстъ записныхъ книжекъ въ полномъ видѣ. Затѣмъ нами внесено вновь въ программу VI тома небольшое дружеское шутовое пари Гоголя, сохранившееся въ той части бумагъ наслѣдниковъ великаго писателя, которая находится въ нашемъ распоряженіи съ 1887 года: пари это случайно осталось неизвѣстнымъ Н. С. Тихонравову, хотя мы предполагали сообщить его покойному въ копию, подобно тому какъ нами сообщенъ былъ ему также списокъ книгъ историческаго содержанія, подаренныхъ Гоголемъ своему другу, А. С. Данилевскому, и сообщенный намъ вдовой послѣдняго. (Спискомъ этимъ, впрочемъ, покойный Николай Саввичъ не успѣлъ воспользоваться). Далѣе опредѣленіе иностранныхъ источниковъ, которыми пользовался Гоголь при составленіи своихъ лекцій по исторіи, мы предполагаемъ отложить до особаго изслѣдованія, такъ какъ вопросъ этотъ потребуетъ много времени и мѣста; послѣднее особенно представляетъ серьезныя трудности въ виду необыкновенно разрастающагося матеріала. Мы позволили себѣ далѣе, въ соотвѣтствіе предназначеннымъ Н. С. Тихонравовымъ къ напечатанію въ настоящемъ томѣ наброскамъ Гоголя, относящимся къ древней исторіи и сохранившимся въ одной изъ его записныхъ книгъ, помѣстить рядомъ съ ними также и тѣ немногіе, разрозненные собственноручные наброски по русской исторіи, которые встрѣтились намъ въ его бумагахъ. Основаніемъ для такого незначительнаго расширенія программы послужило для насъ то соображеніе, что если наброски эти составлены по кое-какимъ сдѣланнымъ Гоголемъ *выпискамъ* изъ разныхъ источниковъ, то, подобно этому, и наброски изъ древней исторіи составлены также по указаннымъ нами въ примѣчаніяхъ редактора выдержкамъ изъ Геродота (см. выше, стр. 786—790); разница лишь въ томъ, что эти послѣдніе наброски сосредоточены въ одной и той же записной книгѣ, тогда какъ выдержки изъ русской исторіи сильно разбросаны. Полагаемъ, что, приступая къ обработкѣ для печати этого отдѣла VI тома, Н. С. Тихонравовъ обратилъ бы на нихъ вниманіе и помѣ-

стиль бы ихъ. Особенно же слѣдуетъ намъ оговориться относительно помѣщенія на ряду съ Гоголевскимъ текстомъ полстраницы сдѣланныхъ имъ выдержекъ изъ разныхъ книгъ (см. выше, стр. 440—441). Это было допущено нами въ связи съ заглавiемъ наброска Гоголя: „Мысли и замѣтки собственныя“: уже такое заглавiе побуждало насъ дать мѣсто вызвавшимъ его выпискамъ изъ чужихъ сочиненiй, тѣмъ болѣе, что *последнiя*, напечатанныя притомъ болѣе мелкимъ шрифтомъ, не могли слишкомъ обременить книгу. Остальныя же выписки будутъ отмѣчены нами въ слѣдующемъ томѣ, въ отдѣлѣ описанiя рукописей.

Единственное, сдѣланное нами, намѣренное отступленiе отъ традицiи Н. С. Тихонравова касается орфографiи. Какъ видно изъ отпечатанныхъ первыхъ двадцати листовъ, покойный ученый старался сохранить въ своемъ изданiи тѣ изъ особенностей Гоголевскаго правописанiя, которымъ великiй писатель оставался вѣренъ постоянно. Такъ Гоголь всегда писалъ: „всякой“, „мѣлкiй“ и проч. Но какъ показало дѣло, сохранить въ данномъ случаѣ безусловную послѣдовательность оказалось рѣшительно невозможнымъ; укажемъ напр. на 15 страницъ предлагаемаго тома въ VI явленiи „Жениховъ“ въ одной и той же репликѣ Жевакина: „пожалуйста, душинька“, „спасибо, душинька“ и „благодарю, душенька“. И дѣйствительно, такую же точно непослѣдовательность мы встрѣчаемъ и въ подлинной рукописи. Въ виду этого, не находя возможнымъ установить строгую границу между нѣкоторыми прихотливыми особенностями Гоголевскаго правописанiя и случайными орфографическими ошибками нашего писателя, мы находимъ болѣе удобнымъ отмѣчать то и другое въ вариантахъ, удерживая лишь, по примѣру Н. С. Тихонравова, такiя особенности Гоголевской транскрипцiи, какъ напр. щекатурка, сурьезный. Сохраненiе же своеобразностей Гоголевскаго правописанiя можетъ иногда производить на читателя непрiятное впечатлѣнiе частыхъ опечатокъ; такъ на стран. 4-й встрѣчаемъ слѣдующiя точно воспроизведенныя по рукописи ошибочныя начертанiя: „безъотчетный, суботнiй, мѣлкiй“; очень часто встрѣчается также у Гоголя невѣрное начертанiе: „мелодрамма“ (но иногда и правильно съ однимъ м) и проч. Лично, впрочемъ, мы не склонны придавать значенiе собственно *правописанiю* Гоголя.

Послѣднее замѣчаніе — о цыфрахъ, которыми въ Гоголевскомъ текстѣ отмѣчены соответствующіе имъ въ концѣ книги варианты. Въ двухъ послѣднихъ томахъ ихъ гораздо больше, нежели въ предыдущихъ, такъ какъ здѣсь мы имѣемъ дѣло съ далеко не выработаннымъ текстомъ. Въ виду этого при сверсткѣ листовъ изъ формъ неизбѣжно вкрадывались опечатки. Чтобы не сбивать читателя, мы приняли за правило въ вариантахъ выставлать строго соответствующія цыфры находящимся въ текстѣ, хотя бы порядокъ ихъ былъ не вполне вѣренъ¹⁾.

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ отмѣтить, что, кромѣ первыхъ двадцати печатныхъ листовъ, которыхъ редакція принадлежитъ всецѣло покойному Н. С. Тихонравову, мы воспользовались составленными имъ вариантами къ статьямъ: „Непогода“, „Хромой чортъ“, „О поэзіи Кошлова“ и къ „Женитьбѣ“; всѣ же остальные варианты и примѣчанія редактора (кромѣ „Очерка исторіи текста „Ревизора“), составлены нами.

Считаемъ долгомъ принести нашу искреннюю благодарность слѣдующимъ лицамъ, способствовавшимъ полученію нами рукописей Гоголя, необходимыхъ для изданія: академику А. Θ. Бычкову, профессору Алексѣю Н. Веселовскому, директору Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института Θ. Θ. Гельбеке, а равно и Конференціи означеннаго института и товарищу предсѣдателя Московскаго Историческаго Музея И. Е. Забѣлину.

В. Шенрокъ.

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ вариантахъ для краткости, въ виду обширнаго объема книги, опущены объясненія, что приводимыя слова стояли въ текстѣ — до замѣны ихъ соответствующими словами, вошедшими въ печатную редакцію.

СОЧИНЕНІЯ

Н. В. ГОГОЛЯ

ТОМЪ VI

НЕПОГОДА.

„Невесель ты?“ — „Я весель былъ“,
Такъ говорю друзьямъ веселья:
„Но радость жизни пережилъ
И грусть зазвалъ на новоселье. —
Я молодъ былъ, и свѣтлый взглядъ
Былъ непечалень: съ тажкой мукой
Не зналось с[ердце]; . . . . . нѣ садъ
И голу . . . . .
Не . . . . .
[Тепе]рь, какъ осень, вянетъ младость;
Угрюмъ; не веселится мнѣ,
И я тоскую въ тишинѣ
Одинъ, и радость мнѣ не радость.
Смѣясь, мнѣ говорятъ друзья:
„Зачѣмъ расплакался? погода
И разгулилась, и ясна,
И не темна, какъ ты природа“.
А я въ отвѣтъ: „Мнѣ все равно,
Какъ день, всѣ измѣненья года;
Свѣтло ль, темно ли, — все одно,
Когда въ семъ сердцѣ непогода“.

ХРОМОИ ЧОРТЪ.

Малороссіяне той вѣры, что (въ пеклѣ=) ¹ въ адѣ хитрѣе всѣхъ и умнѣ хромой [кривый] ² чортъ. Думаю, всякому малороссіянину извѣстенъ анекдотъ про солдата, попавшагося, за грѣхи, по смерти въ пекло и насолившаго такъ крѣпко чертямъ (обитателямъ его) ³, что они не находили никакихъ средствъ выгнать его. Вотъ гурьбою обратились къ кривому чорту, жалуясь ⁴: „що проклятый москаль усе пыше по стѣнамъ хрести та монастыря, такъ що доброму человѣку ни якъ не можно жить у пекли“. Хромой чортъ на другой день надѣлъ барабанъ ⁵, ударилъ подъ пекломъ зорю — солдатъ, услышавши объ этомъ ⁶ и схвативши амуницію, въ одно мгновеніе выбѣжалъ вонъ, и такимъ образомъ избавились черти отъ такого неугомоннаго гостя.

О ПОЭЗИИ КОЗЛОВА.

Свѣтлый, полный, — раздольное море жизни, — міръ древнихъ грековъ не властенъ былъ дать направленіе поэзіи ⁷ Козлова. Когда весь блескъ, все разнообразіе постоянно-свѣтлой, въ безчисленныхъ формахъ проявляющейся жизни природы ⁸ слилось для него въ одну ужасную единицу — въ мракъ, могла ли душа жить прежними ясными ⁹ явленьями? — Какъ будто въ изступленіи, какъ будто подавляемая горестью, съ порывомъ, съ немолчною жаждою — торжествовать, возвыситься надъ собственнымъ несчастіемъ, она искала другой встрѣчи и въ изумленіи остановилась предъ Байрономъ, такъ чудно обхватившимъ гигантскою мрачною душою всю жизнь

міра и такъ дерзостно посмѣявшемуся (sic) надъ нею, можетъ быть, отъ безсилія передать ея индивидуальную свѣтлость и величіе. Душѣ нашего поэта желалось обвитья около этой гордо-одинокой души, исполнински замышлявшей заключить въ себѣ, въ замѣну отвергнутаго, собственный, ею же созданный, нестройный и чудный міръ, и, обвившись около нея, горько улыбнуться уже несуществующей для нея прежней Иліадѣ жизни. Кроткое христіанское величіе вѣры, такъ доступное человѣку въ то страшное мгновеніе перерожденія его, проникло и облекло чистымъ сіяніемъ своимъ все, полученное имъ въ сообществѣ съ душою этого исполина, съ которымъ мѣряться не имѣлъ онъ достаточныхъ силъ¹, и сообщило ему индивидуальность, безъ которой онъ былъ бы только безсильнымъ раздражателемъ. Но даже и въ тихомъ порывѣ религиозной души своей, когда благословляетъ онъ тяжкій крестъ несчастій, вырывается у него скорбь, какое-то, можно сказать, даже злобное наслажденіе души собственными муками. Онъ сильно даетъ чувствовать всѣ великія, горькія траты свои, (иногда =)² часто собираетъ въ одинъ моментъ все исчезнувшее, живо представляетъ его во всемъ ослѣпительномъ блескѣ, чтобы показать вмѣстѣ (съ тѣмъ)³, чего стоитъ ему позабыть (о немъ)⁴ и удалить мысль о немъ. Глядя на радужныя цвѣта и краски, которыми кипятъ и блещутъ его роскошныя картины природы, тотчасъ узнаешь съ грустью, что они уже утрачены для него навѣки: зрящему никогда бы не показались бы (sic!) они въ такомъ яркомъ и даже увеличенномъ блескѣ. Они могутъ быть достояніемъ только такого человѣка, который давно уже не любовался ими, но вѣрно и сильно сохранилъ объ нихъ воспоминаніе, которое росло и увеличивалось въ горячемъ воображеніи и блистало даже въ неразлучномъ съ нимъ мракѣ. Но и въ сихъ созданіяхъ, въ которыхъ, кажется, онъ стремится позабыть все грустное, касающееся собственной души, и ловить невидимыми глазами видимую природу — и здѣсь, и подъ цвѣтами, горитъ тихая печаль. Онъ весь въ себѣ. Весь нераздѣльный міръ свой носитъ въ душѣ и не властенъ оторваться отъ него. Иногда стремленіе его центробѣжно и будто хочетъ разлиться во внѣшнемъ, но для того только, чтобы снова съ большею силою устремиться къ своему центру — самому себѣ, какъ будто угадывая, что тамъ только его жизнь, что

тамъ только найдетъ отвѣтъ себѣ. Если онъ долго останавливается¹ на внѣшнемъ какомъ-нибудь предметѣ, онъ уже лишаетъ его индивидуальности: онъ проявляетъ уже въ немъ самого себя, видитъ и развиваетъ въ немъ міръ собственной души. Мнѣ кажутся и донинѣ странными замѣчанія и упреки многихъ Козлову, что въ поэмѣхъ у него вѣчное тожество и однообразіе жизни, что лица его не имѣютъ полной романтической отдѣлки и не живутъ собственной жизнью, что „Безумная“ нисколько не похожа на русскую крестьянку, — словомъ, требуютъ отъ Козлова того, чего только вправдѣ мы требовать отъ Пушкина, забывая, что для Козлова полная разнообразія внѣшняя жизнь не существуетъ, что весь міръ его сосредоточился въ немъ самомъ и его одного силень онъ слѣдитъ въ многоразличныхъ измѣненіяхъ², а лица и герои у него только образы, условные знаки, въ которые облачаетъ онъ явленія души своей, что обнять во всей полнотѣ внутреннюю и внѣшнюю жизнь — удѣлъ генія всемірнаго и что наконецъ Козловъ относится къ Пушкину такъ, какъ часть къ цѣлому. Поэтъ понимаетъ все достоинство послѣдняго. Оно лестнѣе жаркой душѣ его и кадилъ, и безъотчетныхъ хвалъ. И для кого не блистательна, кому незавидна участь: быть частью необъятнаго Пушкина!!*)

*) Новая прелесть стихотворенія Козлова: „Суботній вечеръ“, переводъ и мѣлка съ трогательнымъ „Посвященіемъ“ — прекраснымъ цвѣткомъ, брошеннымъ на гробъ

Той красотѣ, которой много
Россійскій жертвовалъ Парнассъ,
Когда туманною дорогой
Брела поэзія у насъ³.

Находится въ такихъ-то книжкахъ лавкахъ. Продается по такой-то цѣнѣ.

